

A hand holding a small vial of yellow liquid against a blurred background of a city at night and a pharmacy. The background shows a city skyline with a drone flying in the sky, a playground with a swing set and slide, and a pharmacy window with a sign that says "АПТЕКА №47". The text "НЕВИДИМАЯ РУКА" is overlaid in large white letters.

НЕВИДИМАЯ РУКА

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Невидимая рука

<https://litres.ru/74138178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс — оператор регионального узла «Конкорд», глобальной алгоритмической системы, бесшумно распределяющей ресурсы десятиmillionного города. У его восьмилетней дочери Майи диабет первого типа; её жизнь буквально вшита в эту «невидимую руку». В субботнее утро система впервые «думает» дольше секунды. Над платежами повисает тихое серое слово «Пересчитывается». К воскресенью город не просыпается: всё горит, всё на ходу — и ничто не движется. Инсулин в холодильных шкафах, еда за витринами, фуры у складов — изобилие, запечатое словом. Ручного контура нет. Чтобы спасти дочь, Алекс должен прийти к женщине, под чьим увольнением стоит его подпись. Повесть о цене удобства и об умении жить руками, которое забыли отдать машине.

Эдуард Сероусов

Невидимая рука

Часть

I

. Чистая очередь

1

Майя умела колоть себя сама с пяти лет.

Прокол в подушечку безымянного, капля, тонкая красная бусина — и Алекс заставлял себя стоять в дверях и не подходить. Она знала свою кровь точнее, чем он знал что бы то ни было в жизни.

— Шесть и два, — сказала она, не оборачиваясь. — Хорошее. Можешь перестать.

— Я ничего не делаю.

— Ты стоишь и делаешь лицо. — Она слизнула каплю и натянула рукав пижамы на сенсор: маленький белый кружок над локтем, который мигал ей цифрой каждые пять минут всю её сознательную жизнь. — От лица сахар не падает, пап. Проверено.

Он отлепился от косяка. Кухня уже жила сама: панель над столом нагрелась тёплым светом, в нише тихо собиралась тарелка — омлет, половинка груши, ровно та доза углеводов, которую система знала про Майю лучше, чем знала бабушка. Алексу не нужно было ничего считать. Это и было прекрас-

но. Двадцать лет назад его отец считал всё — копейки, отгрузки, дни до зарплаты — и просчитался, и Алекс помнил, как это выглядит, когда человек считает и всё равно проигрывает. А здесь считать было не нужно. Здесь была чистая, бесшумная, безошибочная очередь, в которой всё доходило до всех точно в срок.

Он коснулся края панели, чтобы подтвердить завтрак, и панель подумала.

Не долго. Полсекунды, может, секунду. Кружок на месте суммы повернулся раз, другой — и вместо «готово» высветил мягкое серое слово.

Пересчитывается.

— Завис, — сказала Майя из-за его плеча. Она уже придвинула табурет и смотрела на экран с тем спокойным любопытством, с каким смотрела на всё, что могло сломаться, потому что про поломки она знала больше отца.

— Не завис. Пересчитывает. — Алекс убрал руку. — Где-то поток плотнее обычного, он разведёт и проведёт. Дай ей минуту.

— Кому «ей»?

— Системе.

Майя пожала плечами и полезла за грушей раньше, чем тарелка официально открылась. Панель ещё крутила своё серое колесо, и в этом не было ровно ничего тревожного — Алекс видел такое сто раз на узле, и сто раз через минуту всё разрешалось, и груз уходил, и платёж проходил, и мир

смыкался обратно без шва. Так работала «невидимая рука»: где-то там, в слое, который никто из них не трогал руками, шёл миллион сделок в секунду, и иногда рука на долю мгновения медлила, прежде чем вложить каждому ровно то, что ему причиталось.

— Вкусно? — спросил он.

— Угу. — Майя жевала грушу, болтая ногой. Сенсор под рукавом мигнул ей новой цифрой, и она скосила на него глаз — рефлекс, не тревога. — Пап. А мы сегодня к маме не поедем?

Он открыл рот, чтобы ответить, и в эту секунду панель наконец перестала думать и тихо сказала: «готово», и тарелка щёлкнула, открываясь, опоздав на целую минуту, и Алекс с облегчением, которого сам не заметил, ухватился за это «готово», как за поручень.

— Вот видишь, — сказал он. — Минуту.

2

Рустам написал в начале двенадцатого: «Очередь на узле чистится медленно. Зайдёшь глянуть?»

Алекс не должен был. У него были выходные, и редкие выходные с Майей он берёт, как берегут вещь, которую могут в любой момент попросить вернуть. Но «медленно» в их деле было неправильным словом — у потока не бывает «медленно», у потока либо есть проход, либо нет, — и слово засело под кожей, и через сорок минут они с Майей уже стояли в стеклянном вестибюле регионального узла, и она задирала

голову к стене.

Стена была почему-то единственным, что Алекс по-настоящему любил показывать. Во всю высоту вестибюля шла визуализация потока: тонкие светящиеся нити, миллионы, текли снизу вверх и в стороны, сплетаясь и расходясь, — авторизации, маршруты, цены, всё, что «Конкорд» в эту секунду решал за регион. Для большинства это была просто красивая заставка. Для Алекса это была карта живого, и он знал на ней течения, как речник знает реку.

— Красиво, — признала Майя. — На медузу похоже.

— Это весь город, — сказал он тихо. — Всё, что куда-то едет, кому-то платится, где-то лежит и ждёт. Каждая ниточка — чья-то нужда, которую рука как раз вкладывает в чьи-то руки.

— Какая рука?

— Так говорят. Невидимая. — Он улыбнулся. — Никто её не видит, а она кормит десять миллионов человек и ни разу не ошиблась.

Майя посмотрела на стену ещё, без особой веры, как смотрят дети на взрослую красоту, и пошла крутиться у пустого ресепшена. Рустам поймал Алекса у лифта — младший оператор, жующий что-то вечное, с той нервной энергией, которую начальство принимало за рвение, а Алекс знал как обычную человеческую невозможность стоять спокойно.

— Смотри, — Рустам кивнул на свой планшет, не здороваясь. — Вот тут. И тут. И вот эта ветка.

На графе, который для Алекса был прозрачен, в трёх местах нити загустели. Не оборвались — загустели, замедлились, как вода перед сужением. Над каждым сгустком висело тихое серое слово, то самое.

Hold.

— Held, — поправил Алекс машинально. — Придержано. Где-то выше по потоку очередь, оно ждёт очистки и пойдёт.

— Оно ждёт уже сорок минут. — Рустам перестал жевать, что у него означало серьёзность. — Я смотрел утром — два узла. В обед — девять. Алекс, оно не очищается. Оно копит.

Алекс взял планшет. На стене за их спинами медуза текла как ни в чём не бывало, тысячи нитей шли свободно — но если смотреть, как умел смотреть он, в трёх, нет, теперь в одиннадцати местах нити стояли. Не рвались. Стояли. Висели в «held», ожидая, когда впереди освободится проход, которого — он отогнал мысль, едва она поднялась, — которого, может быть, никто впереди не освобождал, потому что тот, кто впереди, тоже ждал, когда освободят его.

— Это разгребётся, — сказал он. И, потому что сам услышал, как это прозвучало, добавил твёрже: — Система не ошибается, Рустам. Она ждёт. Дай ей минуту.

В кармане мягко звякнуло. Сообщение по корпоративной линии, от регионального директора, рассылка на всех операторов смены. Алекс открыл, уже зная по первому слову, чьим спокойствием это написано.

Коллеги. Наблюдается локальная задержка в очистке

очередей. Система в штатном режиме фильтрует пиковую нагрузку. Никаких ручных вмешательств. Хороших выходов. — С.

Соколов умел писать так, что после его сообщений тревога казалась дурным тоном. Алекс перечитал и почувствовал, как отпускает плечи. *Локальная. Штатный. Никаких ручных вмешательств.* Конечно. Сколько раз он сам говорил это младшим: паника — это шум, а система рождена, чтобы шум фильтровать.

— Слышал? — он вернул Рустаму планшет. — Штатно.

Рустам посмотрел на него, потом на стену, где одиннадцать стоячих нитей за минуту стали тринадцатью, и сунул в рот новую жвачку, и ничего не сказал, и это «ничего» Алекс ещё вспомнит.

3

Дома Майя забралась с ногами на диван и спросила про маму во второй раз, и на второй раз отмолчаться было нельзя.

— Мама далеко, — сказал Алекс, садясь рядом. — Ты же знаешь. И связь сегодня странная — я ей напишу, как только пройдёт.

— Ты утром не дозвонился.

— Сеть плотная.

Это была правда — линия к матери Майи второй день показывала серое колесо вместо гудков, — и это была не вся правда, и Майя, кажется, слышала зазор между ними так же

ясно, как слышала свой сахар. Она не стала давить. Она вообще редко давила; она научилась беречь взрослых так же рано, как научилась колоть палец. Просто кивнула и подтянула к себе планшет с мультиком, и Алекс встал и пошёл на кухню, к холодильнику, проверить то, что проверял каждое утро, не признаваясь себе, что проверяет.

Коробка стояла на верхней полке, в холоде, отдельно от всего. Картриджи с инсулином, тонкие стеклянные гильзы, по которым жила его дочь. Он выдвинул её и пересчитал, хотя знал число. Полторы коробки. На ручке холодильника светила строка дозаказа — система сама видела, когда они подходили к низу, сама заказывала, сама везла, и Алексу за восемь лет ни разу не пришлось добывать инсулин руками, как не приходилось добывать воздух.

Доставка: инсулин (рецепт.) — сегодня, до 18:00.

Он смотрел на строку, и под ней, бледно-серым, поднималось то самое слово, от которого он за этот день уже устал.

Уточняется. Пересчитывается.

— Заканчиваемся, да? — сказала Майя от двери. Она стояла с планшетом под мышкой и смотрела не на отца, а на коробку в его руках — буднично, оценивающе, как смотрят на запас, который умеют считать.

— Привезут сегодня. Уже едет.

— А если не сегодня?

— Сегодня, Майя.

Она пожала плечами — её фирменное движение, означав-

шее «как скажешь, но я запомнила» — и ушла обратно к дивану. Алекс задвинул коробку в холод и закрыл дверцу, и холодильник тихо, исправно загудел, как гудел всегда, как будет гудеть и завтра, что бы ни висело в сером колесе над городом. Свет внутри погас, отрезанный дверцей. Инсулин остался в темноте и холоде, целый, рабочий, на месте — и на пол-вдоха Алексу показалось важным, что строка о доставке так и не сменилась на «готово», но он отогнал и это, потому что система не ошибалась, а до восемнадцати ноль-ноль было ещё полдня.

4

К вечеру улица за окном стала слишком тихой.

Алекс заметил это не сразу — тишина приходит так, что её сначала принимаешь за покой. Но в обычный субботний вечер двор внизу гудел доставочными дронами, тележками, людьми; а сейчас один-единственный дрон висел над детской площадкой, ровно, не снижаясь, с коробкой в захвате, и серое слово его бортового огонька — Алекс знал этот режим — медленно мигало в сумерках.

Пересчитывается.

Он стоял у окна с погасшим браслетом на запястье и без нужды тапнул по нему пальцем. Экран мигнул и показал то же, что показывал весь вечер: ничего нового, всё в ожидании, очередь, которая не двигалась. Он тапнул ещё раз. Привычка — лёгкое касание, и мир отвечает. Мир не отвечал.

Восемнадцать ноль-ноль прошло. Инсулин не приехал. На

рукоятке холодильника строка о доставке так и стояла, уточняясь третий час, и Алекс впервые за день поймал себя на том, что ему не хочется открывать холодильник и пересчитывать, потому что число он знал, а уменьшать его теперь было нечем.

Он отогнал. Он умел отгонять — это была его профессия, в каком-то смысле: держать спокойствие там, где у других дрожали руки. Завтра воскресенье, к понедельнику очередь рассосётся, как написал Соколов, как было всегда. У дрона над площадкой просто кончится заряд, и он сядет, и кто-то его заберёт. У города просто плотный поток. У системы просто минута.

Майя уже спала, свернувшись на боку, и из-под одеяла торчал её локоть с белым кружком сенсора, и кружок мигал ей цифрой в темноту: восемь и девять. Чуть выше нормы. Не страшно. Он постоял над ней, как стоял утром, и заставил себя не разбудить, не переколоть, не вмешаться, потому что вмешиваться было не в чем — инсулин ещё был, доставка ещё ехала, рука ещё держала всё на своих местах.

Дай ей минуту, сказал он себе, гася свет. Просто система садится в новый режим, и ей нужна минута, чтобы развести этот плотный, плотный поток.

Он ещё не знал, что поток больше не разводился. Что в эту самую секунду, в слое, которого никто из них не трогал руками, рука сжалась в кулак на собственном запястье и больше не разжимала пальцев — потому что не отдавала левое,

пока не освободится правое, а правое не освобождалось, пока не уйдёт левое. И что эта минута, которую он попросил у системы, уже не имела конца.

Часть

II

. Дай ей минуту

1

В воскресенье город не проснулся.

Алекс понял это по звуку — точнее, по его отсутствию. Он встал до Майи, по привычке тапнул браслет, чтобы заказать кофе, и браслет не ответил; и он стоял посреди кухни в этой неправильной тишине и слушал, как её нет. Холодильник гудел. Вода из крана шла. Свет загорелся от касания. Всё работало — и ничего не двигалось.

Он сел к домашнему терминалу и открыл рабочий доступ к узлу, и то, что он увидел, было хуже, чем «held».

Граф потока стоял весь. Не оборванный — горящий, живой, с миллионами нитей на своих местах, но застывших. Над каждой висело серое слово, и слов было столько, что они слились в ровную серую дымку поверх всей карты. Ничто не очищалось. Ничто не падало — падение он бы понял, падение чинят. Это было другое: система держала всё и не отдавала ничего, и держала так крепко, как держит судорога.

Платёж за кофе, который он отправил рефлексом минуту назад, висел в очереди — pending, — и под ним, и над ним,

и до самого края экрана висело всё остальное, что в этот час должно было двигаться по десятиллионному городу: каждая оплата, каждая отгрузка, каждая дверь, которая открывалась по подписи, каждый рецепт, который кто-то ждал.

Рустам вышел на связь сам, без приветствия, и голос у него был ровный той ровностью, которая хуже крика.

— Видишь?

— Вижу, — сказал Алекс.

— Это не нагрузка. Я всю ночь смотрел. В три часа оно перестало быть похоже на очередь. Оно... — Рустам поискал слово. — Оно вцепилось само в себя. Не отдаёт А, пока не уйдёт Б. А Б не уходит, пока стоит А.

— Это разгребётся.

— Алекс.

— Соколов сказал — штатно. — Он сам слышал, как тонко это звучит, в пустой кухне, над застывшим графом, и всё равно держался за слова, потому что отпустить их было всё равно что отпустить поручень над пропастью. — К понедельнику очередь...

Браслет звякнул, и пришла рассылка, и Алекс открыл её, цепляясь за неё заранее, как утопающий, и Соколов не подвёл — Соколов был спокоен, как всегда, спокоен той безмятежностью, которой Алекс ещё вчера завидовал.

Коллеги. Система работает над разрешением загрузки в автономном режиме. Это самокорректирующийся процесс. Любое ручное вмешательство нарушит его и удлинит вос-

становление. Оставайтесь дома. Не предпринимайте ничего несанкционированного. К началу недели ожидаем нормализацию. Паника — это шум. — С.

— Прочитал? — спросил Алекс.

В трубке Рустам тяжело выдохнул.

— Он не выходил на улицу, — сказал он. — А я выходил. Алекс, выйди на улицу.

2

Он вышел — не на узел, на угол, в магазин у дома, потому что в холодильнике, кроме инсулина, было пусто, а Майя должна была есть по часам.

Витрина светилась. Внутри горел свет, ровными рядами стояли продукты, работали холодильники — он слышал их гул через стекло, — и за прилавком стояла кассирша, живая, растерянная, и перед ней стояли люди. Никто ничего не нёс. Касса была мертва. Не сломана — мертва: терминал горел, экран отвечал на касание, но любое касание упиралось в серое слово, потому что платёж не проводился, потому что провести платёж означало занять у руки то, чего рука не отдавала.

— Наличными, — говорил кто-то впереди. — У меня есть, я заплачу налом.

— У меня нет кассы под нал, — отвечала кассирша почти со слезами. — Десять лет нет. Я не знаю, как... я не имею права просто отдать, это не моё, мне нужно провести...

Еда была за стеклом, в метре, в свету. Никто не мог её

взять. Алекс стоял в дверях и смотрел, и впервые за два дня то холодное, что он отгонял с утра субботы, поднялось до горла и не отогналось.

Он вышел и пошёл вдоль улицы, и улица была вся такая. Фура стояла у разгрузочных ворот склада, гружёная, водитель сидел на подножке и курил, и на вопрос Алекса — почему стоите? — поднял на него пустые глаза.

— Релиза нет, — сказал он. — Груз есть, машина на ходу, ворота открываются. А отдать не могу — нет разрешения на выдачу. Висит «уточняется». Я тут со вчера.

— Так откройте ворота и выгрузите.

— Кому? Под что? — Водитель усмехнулся без веселья. — Я выгружу — а оно ничьё. Не проведено, не оплачено, не на кого записать. Я что, вор? — Он затаился. — Тут всё на ходу, мужик. Всё целое. Просто никому ничего нельзя.

Всё целое. Просто никому ничего нельзя. Алекс шёл домой, и за каждым стеклом стояло изобилие, и каждое изобилие было заперто не замком — словом. Свет горел. Холод холодил. Колёса крутились. Мёртв был только тонкий слой над всем этим, тот, что говорил, кому что причитается, — невидимая рука разжалась и застыла, и всё, что она держала, повисло в воздухе ровно там, где она его выпустила.

Он почти бежал последний квартал. Не от голода — от другого числа. От того, что лежало в холодильнике в темноте за дверцей и которого было полторы коробки, и доставка которого вторые сутки уточнялась, и которое нельзя было

взять руками ни в одной светящейся витрине города.

3

— В больницу, — сказал он вслух, поднимаясь, и слово вернуло ему опору. Конечно. Больница. В больнице инсулин есть всегда. Больница — последнее место, которое может встать.

Он ошибался во всём.

Они доехали на старом такси, которое брало нал, потому что водитель оказался стариком, который не доверял системе и держал бумажные деньги «на всякий», и Алекс впервые в жизни был благодарен чужому недоверию. Майю он вёл за руку, и она шла спокойно, с глюкометром в кармане куртки, и на въезде во двор приёмного она первой увидела толпу.

Двор был забит. Скорые стояли с открытыми дверями, и в них не грузили и не выгружали — стояли. У дверей приёмного покоя людей было больше, чем мест, и они не двигались внутрь, и врач в зелёном костюме держал створку плечом и говорил в толпу одно и то же, охрипшим, ровным голосом человека, который повторяет это уже много часов.

— Мы не можем выдавать препараты. Шкафы не открываются. Слышите? Электронные шкафы с лекарствами — на замке, замок ждёт авторизацию, авторизации нет. Мы ничего не можем достать. Карты не грузятся. Поставка не пришла. У нас есть руки и нет доступа. Кто стабилен — не стойте здесь, пожалуйста, мы ничего не можем вам дать.

— У дочери диабет, — Алекс протолкался ближе, держа

Майю за плечо, заслоняя её спиной от давки. — Первый тип. Инсулинозависимая. Мне нужен инсулин, любой, я заплачу, налом, чем угодно...

Врач посмотрел на него усталыми глазами, в которых не было ни злости, ни надежды — одна голая невозможность.

— Инсулин у нас есть, — сказал он тихо, только Алексу. — Там, внутри. В холодовом шкафу, под пломбой и кодом. Шкаф не открывается без подписи, а подписи нет — она шла через ту же систему, что и всё. У меня двое в кетоацидозе лежат вон там, в коридоре, и я смотрю на запертый шкаф, и я ничего не могу сделать. — Он сглотнул. — Если у неё пока есть свой — уходите. Уходите домой, держите её на своём, сколько хватит, и молитесь, чтобы это включили. Здесь хуже, чем дома. Здесь самое зависимое место в городе.

Майя за спиной Алекса молчала. Он обернулся — она смотрела мимо него, в распахнутые двери, где в коридоре на каталках лежали люди, и понимала, кажется, больше, чем ему хотелось бы. Потом подняла на него лицо, очень спокойное.

— Пойдём отсюда, пап, — сказала она. — Тут мне не помогут. И я тут мешаю.

4

Аптека на их улице была меньше и тише, и в этой тишине Алекс на минуту позволил себе поверить, что здесь будет иначе.

За стеклянной витриной, в холодильном шкафу с подсвет-

кой, ровными рядами лежали упаковки. Он узнал свою — ту самую, тонкие гильзы, по которым жила Майя, — с другого конца зала, как узнают лицо. Их было там много. Десятки. Хватило бы Майе на год.

За прилавком стояла женщина в белом халате, немолодая, с собранными руками, и руки эти она держала так, словно боялась, что они сделают что-то без её разрешения. Бейдж: «Провизор». Она смотрела на входящих с заранее виноватым лицом.

— Мне нужен инсулин, — Алекс положил браслет на прилавок, бесполезный, мёртвый, по привычке. — Вот рецепт, он в системе, у нас постоянный дозаказ, дочери восемь лет, первый тип. Я вижу, у вас есть. Вон там.

— Я не имею права, — сказала провизор.

— Я заплачу. Наличными. Сколько скажете.

— Дело не в деньгах. — Она сжала руки сильнее. — Это рецептурный препарат строгого учёта. Я не могу его выдать без проведения через систему — ни за деньги, ни так, никак. Холодовой шкаф открывается по авторизации, а авторизация... вы же понимаете, авторизации сейчас нет. — Она говорила быстро, прячась в слова, как пряталась кассирша, как прятался врач, заслоняясь профессией от того, что профессия больше ничего не значила. — Я не имею права просто открыть и отдать. Вы поймите, что будет, если я... это контролируемое вещество, я под ответственностью, у меня нет процедуры на это, нет полномочий, я не знаю, как это

вообще...

— Там моя дочь на год, — сказал Алекс очень тихо. — За этим стеклом.

— Я знаю. — Её глаза заблестели. — Я знаю. Простите. Приходите, когда поднимется. Это же со дня на день поднимется, правда? Тогда я первым делом... я отложу вам, я обещаю. Когда поднимется.

Он смотрел на неё, и в нём ещё не было страха — был гнев, тупой и недоумённый, гнев человека, которому показывают воду и не дают пить и при этом не врут, что воды нет. Воды было полно. Она стояла в свету, в метре, в холоде, рабочая, целая, его. И между ней и Майей стоял не замок. Стояла женщина с собранными руками, которая не была злой, не была жадной — которая просто *не могла*, потому что то единственное, что давало ей право мочь, замёрзло.

— Когда поднимется, — повторил он и забрал с прилавка мёртвый браслет.

Он почти верил в это. Это было хуже всего — он всё ещё почти в это верил.

5

Дома он достал коробку из холодильника и в первый раз в жизни сел её считать.

Не проверить число, которое знал, — считать по-настоящему, как считал когда-то отец над своими тетрадами, разложив гильзы на столе под лампой. Полторы коробки. Он перевёл это в единицы, единицы — в дозы, дозы — в дни,

и пол под ним поехал.

Если колоть, как положено, — на нормальном сахаре, по часам, по еде, как восемь лет, — хватало на несколько дней. Если растягивать — резать дозу, держать её чуть выше нормы, мириться с высоким числом ради лишних суток — можно было дотянуть подольше. Но «подольше» покупалось телом Майи. Высокое число — это не просто число; это медленно поднимающийся в её крови ацетон, это то самое слово, которое он слышал во дворе больницы и не хотел произносить, разворачивающееся изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.